

эта въ немъ происходитъ отъ той же все Иртеньевской склонности къ анализируванію, благодаря которой, при богатствѣ ихъ воображенія, они успѣвають разочаровываться въ благахъ жизни прежде чѣмъ успѣютъ еще отвѣдать отъ нихъ; разочарованіе у нихъ, если можно такъ выразиться, — между губами и чашей, до которой губы эти не успѣли еще и прикоснуться...

Но люди болѣе простые, какъ Пьеръ, не посвященные въ тайны успѣшнаго ношенія масокъ и плащей, готовы ледяную холодность ихъ сердца принимать за зрѣлость ихъ все-понявшаго ума все-извѣдавшаго сердца, готовы благоговѣть, вѣрить и молиться на нихъ! (На этой вѣрѣ собственно и былъ основанъ успѣхъ въ обществѣ нашихъ эстетическихъ «лишнихъ людей» 40-хъ годовъ, нашихъ красивыхъ говоруновъ, въ родѣ Рудина и всей этой плеяды quasi-талантливыхъ натуръ, прикрывавшихся разными мантиями и разоблаченныхъ такъ хорошо покойнымъ Добролюбовымъ, сведенныхъ имъ съ ихъ красиваго пьедестала на мягкій диванъ и прикрытыхъ вмѣсто мантии просторнымъ халатомъ *Обломовъ*)—«Пьеру совѣстно было высказывать все свои новыя мысли и убѣжденія... Онъ сдерживалъ себя, боясь быть *наивнымъ* предъ Андреемъ, предъ которымъ какъ думалъ Пьеръ, мечты, надежды на счастье и на добро были *неприличны...*» Кн. Андрей, съ своей стороны, стараясь поддержать этотъ престижъ свой, тоже не находилъ или старался не находить ничего общаго у себя съ Пьеромъ и смотрѣлъ на него какъ-то покровительственно. А между тѣмъ этотъ же самый «наивный» Пьеръ заставилъ его, послѣ, признаться самому себѣ: «Пьеръ былъ правъ, говоря, что надо вѣрить въ возможность счастья, чтобы быть счастливымъ, и я теперь счастливъ. Оставимъ мертвымъ хоронить мертвыхъ, а пока живешь, надо жить и быть